

Владимир Сергеевич Соловьев

Мицкевич

Речь на обеде в память Мицкевича 27 декабря 1898 г.

Он вдохновлен был свыше

И с высоты взирал на жизнь.

(Пушкин)¹

Смотреть на жизнь *с высоты* совсем не то же, что смотреть на нее *свысока*. Для последнего нужно только иметь заранее высокое мнение о своей личной значительности при действительном отсутствии некоторых нравственных качеств. Но, чтобы смотреть на жизнь с высоты, нужно этой высоты *достигнуть*, а для этого мало взобраться на ходули или даже влезть на свою приходскую колокольню. Вот почему при таком множестве людей, смотрящих на нее *свысока*, нашелся в целое столетие между великими только один, про которого можно было, не изменяя истине, сказать, что он не взглянул только в минуту поэтического вдохновения, а всегда *взирал* на жизнь с высоты. Славный праздник братского народа² имеет -- то есть может иметь, мог бы получить -- особое значение для нас и независимо от русско-польских отношений, если бы воскресший образ великого человека, еще к нам близкого, еще не отошедшего в тьму веков, помог восстановить в нашем сознании, очевидно, потерянную мерку человеческого величия, напомнить нам те внутренние условия, которые делают не великого только писателя или поэта, мыслителя или политика, а *великого человека* или *сверхчеловека* в разумном смысле этого употребляемого слова. Ни самые высокие притязания на свою личную сверхчеловечность, ни самые великие способности к какому-нибудь особому деланию, ни самое успешное решение какой-нибудь единичной исторической задачи не могут существенно и действительно поднять нас над общим уровнем и дать то, что дает только целость нравственного характера и жизненный подвиг.

Он "с высоты взирал на жизнь". Когда Пушкин от немногих бесед с ним получил такое о нем впечатление, Мицкевич стоял только на первой ступени этой высоты, сделал первый духовный свой подъем.

Каким образом живущий может смотреть на жизнь с высоты, если эта высота не будет им добыта как правда самой жизни? И каким образом добыть эту высшую правду, если не оторваться от низших, недостаточных, неоправданных явлений жизни? И если высота жизненного взгляда должна быть действительно добытою, а не придуманною, то и разрыв с низшим должен быть на деле пережит и мучительно испытан. Ребенок, рождающийся на вольный свет божий, один раз порывает органическую связь с темнотою и теснотою утробной жизни, но, чтобы стать окончательно на ту высоту, откуда видна вся, целая правда жизни, чтобы освободиться от *всякой* утробной темноты и тесноты, нужно пережить не один, а целых три жизненных разрыва, три внутренние катастрофы.

И прежде всего нужно разорвать с основною и самую крепкою связью, которая тянет нас к личному счастью в его главном средоточии -- половой любви, когда кажется, что вся правда и все благо жизни воплотилось для нас в женщине, в этой единственной женщине, когда мы с искренним убеждением готовы повторять слова поэта:

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер,
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор³.

В этой сосредоточенности любовного ощущения есть великая правда, истинное предчувствие того, что должно быть, безусловного значения полной человеческой личности. Но великая неправда здесь в том, что предчувствие принимается за исполнение, и вместо открывшейся огромной задачи предполагается готовое и даровое благополучие. Между тем, чтобы экзальтация чувства не оказалась пустым обманом, нужно во всяком случае порвать с темнотою и теснотою всепоглощающей стихийной